

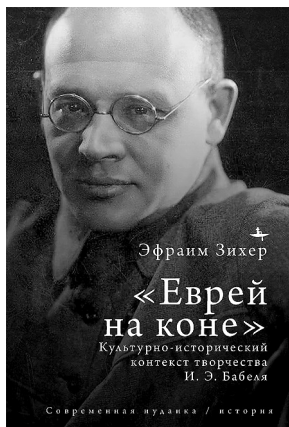
Бабель в контексте

DOI: 10.53953/08696365_2026_197_7_369

Зихер Э. «Еврей на коне»: культурно-исторический контекст творчества И.Э. Бабеля.

СПб: Academic Studies Press; Библиороссика, 2024. — 324 с. — 200 экз. — (Современная иудаика).

Новая монография об Исааке Бабеле, принадлежащая известному израильскому литературоведу Эфраиму Зихеру, — это дополненная русская версия его книги «Babel' in Context: a Study in Cultural Identity», вышедшей в Бостоне в 2012 г. В предисловии к русскому изданию автор отмечает, что не претендует на полный охват исследований о творчестве Бабеля, которые были проведены в России, Израиле, Германии и США после 2012 г. И тем не менее книга написана с учетом многих работ о писателе¹.

Ключевым для книги Зихера, рассматривающего наследие и биографию Бабеля в первую очередь с точки зрения его еврейской идентичности, является тезис о существовании «по крайней мере двух Бабелей — еврейского и русского писателя» (с. 10). В работе последовательно раскрывается многомерность идентичности Бабеля.

Особое внимание уделено феномену Одессы, где сформировалась юго-западная школа. Уже во введении подробно говорится о роли этого города в русской словесности и его значении как центра еврейского модернизма. Это позволяет автору книги органично вплести Бабеля в широкий литературный процесс, показав его связь с предшественниками (О. Рабинович, С. Юшкевич) и современниками (Э. Багрицкий,

Ю. Олеша, И. Ильф и Е. Петров).

Центральной и наиболее новаторской в монографии стала концепция «двойной записи». Эта теоретическая рамка позволяет рассматривать прозу Бабеля как палимпсест, где за идеологически приемлемым фасадом скрывается закодированный подтекст, понятный читателю, знакомому с еврейской историей и культурой. Утверждение, что Бабель, в отличие от многих современников, не порывал с еврейством, а интегрировал его в свою русскую прозу посредством «скрытого языка», представляется продуктивным и обещает дать ключ к новому прочтению хрестоматийных текстов.

Первая глава книги представляет собой многоуровневый нарратив, в котором одновременно представлены биография, литературный анализ и исторические

1 Из русскоязычных изданий назовем следующие: *Есаулов И.А.* Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля. София: Св. Климент Охридски, 2011; Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век: сб. материалов международной научной конференции. М.: Книжники, 2016; *Вайскопф М.Я.* Между огненных стен: книга об Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017; *Бар-Селла З.* Сюжет Бабеля. М.: Неолит, 2018; *Погорельская Е.И., Левин С.Х.* Исаак Бабель. Жизнеописание. СПб.: Вита Нова, 2020.

свидетельства. На основании документальных источников автор последовательно разделяет факт и миф в творчестве Бабеля, подчеркивая, что его произведения, включая «Автобиографию» 1924 г., не являются документальными свидетельствами, а представляют собой художественное конструирование. Такой критический подход позволяет читателю увидеть реального человека за созданным им образом, например, писателя, чей путь в литературу был сложнее, чем просто «открытие» его Горьким. Ссылаясь на архивные данные, письма и воспоминания современников, автор реконструирует канву биографических событий, от детства в Николаеве и Одессе до последних дней в застенках НКВД.

Анализ ключевых произведений Бабеля — «Конармии» и «Одесских рассказов» — показывает, как личный опыт писателя трансформировался в его прозе. В «Конармии» это раздвоенность еврея-интеллигента Лютова, зажато́го между идеалами революции и ее жестокостью, между своими корнями и чуждым миром казачества. В «Одесских рассказах» — ностальгия по ушедшему миру, где еврейские бандиты, в отличие от рефлексирующих интеллигентов, становятся носителями витальной силы и мужественности. Глава иллюстрирует центральные конфликты в творчестве Бабеля: интеллигент и человек действия, насилие и гуманизм, еврейская традиция и русская культура.

Особого внимания заслуживает контекст 1920–1930-х гг. Полемика с Буденным, давление со стороны пролетарских критиков, выступление на Первом съезде советских писателей и знаменитый «жанр молчания» предстают как этапы сложной и опасной игры художника с тоталитарным государством. «Молчание» Бабеля, по мнению автора книги, было и формой внутреннего сопротивления, и результатом высочайшей требовательности к себе.

В финале главы, посвященном аресту, допросам и гибели писателя, Зихер, опираясь на рассекреченные документы НКВД, излагает сфабрикованное дело, демонстрируя абсурдность обвинений в шпионаже и троцкизме, а также мужественное поведение Бабеля, отказавшегося на суде от выбитых под пытками показаний. Пронзительная фраза «Не дали закончить», сказанная им во время ареста, становится лейтмотивом не только его оборвавшейся жизни, но и судьбы целого поколения русской интеллигенции.

Основная идея второй главы заключается в опровержении концепции разделения еврейской литературы на отдельные национальные потоки (в частности, на идише, иврите или русском языке). Вместо этого предлагается рассматривать ее как единую, многоязычную культурную систему, особенно в период модернизма. Отправной точкой для рассуждений служит полемика между известными литературоведами Рут Вайс и Даном Мироном. Автор критикует как подход Вайс, определяющей еврейскую литературу через изложение еврейской истории, так и позицию Мирона, сосредоточенного на тематических связях. По мнению Зихера, оба исследователя не в полной мере учитывают «сложности художественных, языковых и культурных контекстов» (с. 111), общих для писателей, творивших на разных языках.

Бабель — ключевой пример, демонстрирующий несостоятельность узконациональных рамок. Выросший в космополитичной Одессе — плавильном котле русской и еврейской культур, — Бабель, будучи русскоязычным писателем, был неразрывно связан с идишской языковой стихией и литературной традицией.

Вначале устанавливается общий исторический фон — дело Бейлиса, — который послужил творческим импульсом как для Франца Кафки («Процесс»), так и для Шолом-Алейхема (последняя глава «Тевье-молочника» и роман «Кровавая шутка»). Этот пример подчеркивает общность судьбы и переживаний, которые находили отражение в произведениях еврейских авторов независимо от их языка.

Далее фокус смещается на самого Бабеля. Особое внимание уделяется анализу рассказа «Шабос-нахаму» (1918), переработке народного сюжета о легендарном шуте Гершеле из Острополя. Здесь Бабель виртуозно использует стилистику и идиоматику идиша в русской прозе. Приводятся яркие примеры калькирования идишских выражений, создающие комический эффект и указывающие на глубокое погружение писателя в языковую среду *маме-лоин* («родного языка»). Этот литературный билингвизм позволял тексту обращаться одновременно к разным группам читателей.

Не менее важным аргументом является прямое обращение Бабеля к наследию Шолом-Алейхема. Зихер напоминает о работе писателя над сценариями к фильмам «Еврейское счастье» и «Блуждающие звезды», а также о его редакторской деятельности и планах по переводу произведений классиков идишской литературы. Речь Бабеля на заседании, посвященном 100-летию Менделе Мойхер-Сфорима, цитируется как свидетельство его страстной убежденности в необходимости сделать сокровища идишской литературы достоянием русскоязычного читателя. Еврейский писатель в России послереволюционного периода мог обладать «двойным видением», находясь на пересечении двух культур и историй.

Третью главу Зихер начинает с описания Одессы как специфического культурного центра, где на трех языках — русском, идише и иврите — кипела еврейская жизнь. Этот город, лишенный традиций местечка, стал колыбелью еврейского просвещения (Гаскалы) и сионизма, собрав плеяду выдающихся мыслителей и писателей, таких как Ахад-Гаам, Менделе Мойхер-Сфорим и Хаим Нахман Бялик. Воссоздав этот исторический фон, автор книги показывает, что Бабель был наследником сложной культурной традиции, которая пронизывает все его творчество.

Центральное место занимает анализ интертекстуальных параллелей между прозой Бабеля и поэзией Бялика. Зихер утверждает, что для современников, воспитанных в этой двуязычной или даже трехязычной среде, многочисленные аллюзии в «Конармии» были легко узнаваемы. Такие образы, как «робкая звезда», тоска по «истлевшим талмудам детства» или сама атмосфера разрушенного еврейского мира, перекликаются с известными стихами Бялика («На пороге бейт-гамидраша», «Перед книжным шкафом»). Это разговор о трагедии еврейства, о неразрешимом конфликте между старым и новым миром.

На примере новелл «Гедали», «Рабби» и «Сын рабби» демонстрируется внутренняя дилемма бабелевского рассказчика, который предстает как классический тип «оторванного от корней» еврейского интеллигента, разрывающегося между гуманистическими ценностями иудаизма и попыткой принять жестокую реальность революции. Диалог с Гедали об «интернационале добрых людей», образ обреченного мира цадика Брацлавского и его сына-отступника Ильи — все символизирует невозможность синтеза Ленина и Маймонида, коммунистического манифеста и «Песни песней». Проза писателя предстает полотном, в котором переплетаются надежда и отчаяние, коллективная память о погромах и мечта о возрождении.

В четвертой главе Зихер выдвигает и последовательно доказывает, что Бабель использует метод, схожий с мидрашем — древней еврейской традицией творческого толкования и достраивания библейских и исторических сюжетов для раскрытия их глубинного, современного смысла.

Исследователь определяет мидраш как «герменевтику», которая заполняет пробелы в известных нарративах, проводит неожиданные аналогии и придает персонажам прошлого психологическую достоверность. Этот подход оказывается продуктивным для анализа произведений Бабеля, позволяя объяснить многие особенности его стиля: смешение сакрального и профанного, иронию, интертекстуальность и стремление увидеть в современных событиях повторение древних историй. Основной иллюстрацией становится рассказ «Пан Аполек». В образе

художника-еретика Аполека, который на иконах изображает обычных людей, своих грешных современников, воплощается эстетическое кредо самого Бабеля. Аполек низводит божественное до земного и возвышает земное до божественного, тем самым «оживляя» миф и его скрытые истины. Этот прием, по мнению исследователя, — ключ к творчеству писателя, где история перестает быть застывшим прошлым, а становится живым, повторяющимся настоящим.

Зихер показывает, как Бабель применяет этот мидрашный метод и к историческим нарративам. Наиболее зримо это проявляется в «Конармии». Исторические параллели, проводимые Бабелем (например, между Хмельницким и Буденным), предстают выражением фатальной цикличности истории, особенно в контексте еврейской судьбы. «Переход через Збруч» становится иронической инверсией библейского Исхода и пародийным переосмыслением триумфальных имперских нарративов (в частности, в поэзии К. Батюшкова).

Особого внимания заслуживают разделы, посвященные десакрализации образа Иисуса Христа и мессианской теме. Превращая Иисуса в земного, страстного человека (как в притче Аполека или в рассказе «Сашка Христос»), Бабель следует своей художественной логике — поиску духовного потенциала в обыденном и человеческом. Образ «Красного Или», сына раввина, пытающегося синтезировать еврейскую традицию с революционной идеологией, трактуется как трагический символ несбыточной мечты о новом мессианстве.

Автор не ограничивается «Конармией», а привлекает для анализа ранние рассказы, дневниковые записи, черновики, пьесы «Закат» и «Мария». Анализ «Заката» в контексте библейской Книги Экклезиаста и идеи о неотвратимости циклической смены поколений служит мощным подтверждением центрального тезиса главы, предлагающей оригинальную и продуктивную оптику для понимания творчества Исаака Бабеля. Представление его художественного метода как мидраша позволяет системно объяснить сложную взаимосвязь между еврейской культурной памятью, историческими катаклизмами XX в. и модернистской поэтикой в его произведениях.

Пятая глава посвящена влиянию произведений Ги де Мопассана на творчество Бабеля, природе этого влияния, его эволюции и преломлению в одном из центральных его рассказов — «Гюи де Мопассан».

В качестве отправной точки Зихер использует программный очерк Бабеля 1916 г. «Одесса», где молодой писатель провозглашает необходимость «русского Мопассана», который придет из «солнечных степей» и освежит русскую литературу, скованную «ледяной хваткой» (с. 176) петербургской традиции. Для Бабеля Мопассан был символом новой, жизнеутверждающей и чувственной эстетики.

Основное место в главе занимает разбор рассказа «Гюи де Мопассан». Раскрывается, как процесс перевода новеллы Мопассана «Признание» становится для рассказчика Бабеля не только литературным упражнением, но и формой проживания чужого текста, его «перевода» в собственный эротический и экзистенциальный опыт. Анализ интертекстуальных связей, где герои Бабеля разыгрывают роли персонажей Мопассана, убедительно демонстрирует сложную игру между искусством и жизнью, текстом и реальностью. Удачным является акцент на противопоставлении двух солнц: живого, страстного солнца Франции, символизирующего мир Мопассана, и искусственного, холодного петербургского солнца, олицетворяющего реальность². Восхищение жизнелюбием Мопассана оборачивается для героя Бабеля

2 Впервые детальнейший разбор «Гюи де Мопассана» именно в этом ракурсе проведен А.К. Жолковским и М.Б. Ямпольским в их книге «Бабель/Babel» (М.: Carte Blanche, 1994).

осознанием страшной цены, которую художник платит за свой дар. Кульминацией становится шокирующий финал рассказа, где приводится описание ужасного конца Мопассана, низведенного болезнью до животного состояния. Это противопоставление — яркое, полное жизни искусство и трагическая судьба его создателя — формирует ключевую дилемму, которую, по мнению Зихера, Бабель решает на протяжении всего своего творчества.

Диалог Бабеля с Мопассаном удачно развернут в более широком контексте русской литературы, для сравнения привлекаются фигуры Толстого и Чехова. Полемика с толстовством, в которой жизнеутверждающая страсть Мопассана противопоставляется морализаторству и «страху» графа Толстого, а также сравнение с Чеховым, у которого Бабель находил недостающее Мопассану «человеческое тепло», придают анализу дополнительную глубину.

В шестой главе «Конармия» вписывается в сложный культурный контекст эпохи. Автор монографии ставит задачу прояснить «моральную и политическую позицию» Бабеля, которая часто ускользает от исследователей, и решает ее через призму этнической самоидентификации главного героя-рассказчика Кирилла Лютова. Основываясь на семиотическом подходе Ю. Лотмана, в частности теории бинарных оппозиций и концепции «семиосферы», Зихер доказывает, что конфликт в «Конармии» структурирован как столкновение двух враждебных пространств: «внешнего» мира казачества, ассоциирующегося с природой, насилием и свободой, и «внутреннего» мира еврейства — мира культуры, пассивности и разрушенного прошлого. Лютов, еврейский интеллигент в очках, в мучительном поиске своей идентичности оказывается на границе этих миров.

В главе дан широкий компаративистский анализ конармейских рассказов. Текст рассматривается в трех важнейших контекстах.

1. Дневник 1920 г. Сравнение героя конармейских рассказов Лютова с реальным автором показывает, как личный опыт отчуждения трансформировался в сложный художественный образ.

2. Советская проза о Гражданской войне. Сопоставление «Конармии» с произведениями Фурманова («Чапаев»), Фадеева («Разгром») и Серафимовича («Железный поток») высвечивает уникальность Бабеля. На фоне более идеологически прямолинейных текстов его ирония, повествовательная дистанция и отказ от однозначных ответов выглядят новаторскими и смелыми.

3. Модернистская литература на идише и иврите. Этот аспект представляет наибольшую научную ценность. Привлекая творчество П. Маркиша, И. Рабона, Л. Шапиро и Х. Хазаза, автор доказывает, что Бабель работал в русле общееврейского модернистского ответа на катастрофу Первой мировой войны, революции и погромов. Апокалиптические образы, тема распятия еврейского народа и ощущение экзистенциального ужаса оказываются общими для писателей по разные стороны фронта и идеологических баррикад.

В итоге Зихеру удается показать, что этническая дилемма Лютова является во многом ключом к пониманию фундаментального противоречия между гуманистическими ценностями и жестокостью революционного насилия.

Наконец, в седьмой главе рассматривается творчество Бабеля периода коллективизации. Автор ставит задачу проанализировать этическую и эстетическую позицию писателя, столкнувшегося с одной из самых страшных трагедий советской истории, и понять причины его творческого молчания и видимой отстраненности.

Центральный вопрос — «Где же автор?» — становится лейтмотивом этой части книги. В отличие от «Конармии», где симпатии рассказчика, несмотря на всю сложность его положения, очевидны, в рассказах о коллективизации («Гапа Гужва», «Колывушка») Бабель, по мнению исследователя, сознательно устраняет авторскую

позицию. Эта «монументальная сдержанность» лишает читателя моральных ориентиров и заставляет его самостоятельно выносить суждение о происходящем.

Глава начинается с противопоставления свидетельств знакомых Бабеля, в которых описываются его ужас и потрясение от увиденного в украинских селах, с одной стороны, и его писем родным за границу, работы в пропагандистском журнале «СССР на стройке», где создавалась идиллическая картина успехов социалистического строительства, — с другой. Согласно Зихеру, этот внутренний конфликт писателя между пониманием правды и необходимостью выживания задает тон всему повествованию.

Автор книги анализирует рассказы «Гапа Гужва» и «Кольвушка». Например, сцена убийства Кольвушкой своей жеребой лошади рассматривается как акт крайнего отчаяния и бессилия, в котором человеческая трагедия выражается через страдания животного. Финальная сцена изгнания Кольвушки из села, с ее библейскими и брейгелевскими аллюзиями, трактуется как безнадежный крестный ход, символ окончательного опустошения.

Исследование укоренено в историческом контексте. Автор привлекает работы авторитетных историков (Р. Конквест) и мемуаристов (В. Кравченко, Л. Копелев, В. Гроссман), чтобы воссоздать картину террора, голода и психологического состояния людей — как жертв, так и палачей.

«Молчание» Бабеля, его отказ от прямого морального суждения в рассказах о коллективизации были формой художественной честности — он создал текст, который сам по себе является неопровержимым свидетельством катастрофы.

К сожалению, в рецензируемой книге, особенно в первой главе, встречаются фактические ошибки и неточности. Остановимся лишь на нескольких.

Дату рождения писателя Зихер указывает как «13 июля (30 июня по старому стилю) 1894 года» (с. 30), повторяя ошибку пересчета со старого на новый стиль. Разница для событий, произошедших в XIX в., составляет не 13, а 12 дней. Таким образом, день рождения Бабеля по новому стилю приходится на 12 июля, что отражено в ряде работ о писателе. Во «Введении» есть примечание переводчика, где днем рождения Бабеля почему-то названо 9 июля, а днем открытия памятника писателю в Одессе 13 июля (с. 11), между тем как открытие памятника состоялось 4 сентября 2011 г. Вызывает недоумение и определение воспетой Бабелем Молдаванки как «убогого рабочего <!> района Одессы» (с. 30). Здесь же сказано, что Бабели переехали в Николаев в 1899 г. Однако давно известно, что в июле 1897 г. в Николаеве родилась младшая сестра Бабеля Мария. А в 2012 г. были выявлены документы о рождении в Николаеве сестры-погодка Исаака Иды 1 декабря 1895 г., то есть переезд состоялся не позднее ноября 1895-го³.

В напечатанном в газете «Новая жизнь» очерке Бабеля «Вечер» говорится о милицейском участке, а не о «местной ЧК» (с. 41), как сказано в книге. Первая жена писателя Евгения Борисовна уехала в Париж не летом 1925 г. (с. 67), а в декабре.

В связи с разговором о подмосковном Молоденово, где Бабель жил в 1930–1932 гг., недоумение вызывает фраза: «...Молоденово было удобно еще и тем, что неподалеку стоял дом Горького, с которым Бабель сдружился еще в Сорренто» (с. 74; курсив наш). Бабель «сдружился» с Горьким намного раньше. В книге говорится о встрече с Горьким в 1916 г. (с. 39–40) и приводится его письмо родным от 19 июня 1936 г. о двадцати годах «ничем не омраченной дружбы» с Горьким (с. 93).

3 См.: Погорельская Е.И. Исаак Бабель и история его голубятни: факт и вымысел // Лехаим. 2012. № 10. С. 41; Она же. Комментарий к рассказу И. Бабеля «История моей голубятни»: новые материалы к биографии писателя // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 154–156; Погорельская Е.И., Левин С.Х. Указ. соч. С. 25.

И второй раз Бабель уехал за границу, во Францию, в сентябре 1932 г., а в Сорренто побывал весной 1933-го. После возвращения из-за границы он в Молоденове не жил.

Школьный друг Бабеля Исаак Лившиц во всех случаях назван «Исайя», герой одного из рассказов Голов — Горловым; вместо слова «эскадрон» употреблено «эскадрилья» (с. 209), тогда как речь идет о коннице, а не об авиации.

Впрочем, последние примеры, вероятно, связаны с переводом, на крайнюю небрежность которого в большей части книги нельзя не посетовать. Остановимся лишь на нескольких примерах, когда искажается смысл или по непонятным причинам сделан обратный перевод. Так, на с. 202 читаем: «В конармейском рассказе “Моем первом гусе” комдив Савицкий, мощное и чувственное тело которого рассекает избу, предупреждает Лютова, что таким очкарикам, как он, можно рассчитывать на перерезание горла». Оставив в стороне стилистическое, мягко скажем, несовершенство этого пассажа, отметим, что ни о каком «перерезании горла» речи не идет, и в оригинале фраза, сказанная Савицким герою-повествователю, звучит так: «Шлют вас, не спросясь, а тут режут за очки». Кроме того, и в тексте Бабеля, и в действительности в 1920 г. в Красной армии были начдивы (начальники дивизий), а не комдивы.

Или другой пример — о рассказе «Вечер»: «Ухаживая за Ириной, безответной любовью Галина, Василий в бесконечных деталях объясняет повороты истории...» Но ведь «повороты истории» объясняет как раз Галин, сотрудник газеты «Красный кавалерист», безответно влюбленный в прачку Ирину, а Василий — это повар, который сожительствует с Ириной.

На с. 187 в обратном переводе приведено начало цитаты из рассказа «Гюи де Мопассан»: «Он случайно был, ваш граф, он трусил...», меж тем как у Бабеля «Он испугался, ваш граф, он трусил...» А на с. 219 название рассказа «Солнце Италии» приведено как «Итальянское сияние».

Несмотря на указанные ошибки и недочеты, новая книга Э. Зихера будет полезна всем, кто интересуется творчеством Исаака Бабеля, еврейским контекстом его произведений и русско-еврейскими литературными связями.